

Николай Михайлович Карамзин

**Философа Рафаила
Гитлоде странствования
в Новом...**

Николай Михайлович Карамзин

**Философа Рафаила Гитлоде
странствования в Новом
свете и описание
любопытства достойных
примечаний (!!)** и
**благоразумных установлений
жизни миролюбивого народа
острова Утопии**

«...Сия книга содержит описание идеальной, или мысленной, республики, подобной республике Платоновой; но только слог англичанина не есть слог греческого философа. Сверх того, многие идеи его одна другой противоречат и вообще никогда не могут быть произведены в действо...»

**Николай Михайлович
Карамзин
Философа Рафаила Гитлоде
странствования в Новом
свете и описание
любопытства достойных
примечаний (!!) и
благоразумных установлений
жизни миролюбивого народа
острова Утопии**

Перевод с английского языка. Сочинение Томаса (Моруса). В Санкт-Петербурге у Шнора, 1790 года. Часть I

Томас Морус, великий канцлер Англии во время правления Генриха VIII, был один из величайших политиков и ученейших людей своего века, правда не науками, не просвещением славного. Известен трагический конец сего мужа. Когда король отстал от римской церкви и требовал, чтобы подданные клятвенно признали его главою англиканского исповедания, то Морус ни за что не хотел дать сей клятвы; просьбы друзей и супруги не могли поколебать его, и он лучше хотел умереть на эшафоте, нежели изменить папе. «Утопия» есть одно из его сочинений, опубликованных в шестом и седьмом-надесять веке на латинском языке. Сия книга содержит описание идеальной, или мысленной, республики, подобной республике Платоновой; но только слог англичанина не есть слог греческого философа. Сверх того, многие идеи его одна другой противоречат и вообще никогда не могут быть произведены в действо. Краткое извлечение из книги может быть не противно читателю.

Морус, быв в Анверсе, познакомился с одним философом, который проехал весь свет

из конца в конец и везде наблюдал нравы, обычаи и политические учреждения народов. Морус, удивляясь его опытной мудрости, желает, чтобы философ взял на себя какую-нибудь гражданскую должность и чрез то был бы полезен обществу не только своими рассуждениями, но и делами. Философ не хочет о том и слышать. «Я буду совершенно бесполезен, – говорит он, – я могу только советовать; но, конечно, никто не примет моих советов, потому что люди уже привыкли к старому и боятся всякой новизны». Тут рассказывает он, каким образом в доме архиепископа Мортонa в Англии хотел он доказать одному законнику, что за воровство надобно людей не вешать, а отдавать в работу, через которую могут они еще быть полезны государству. Он исследывает причины воровства и утверждает, что пока не истребятся сии причины, до того и воровство не истребитсЯ, несмотря на всю жестокость наказания. Потом говорит он с Морусом о ложной политике министров и проч. и проч.; что все в шестом-надесять веке могло быть ново. Тут доходит дело до Платона и до общественности гражданского имени,

которой возможность и полезность старается он доказывать всеми силами. «Я видел такую землю, – говорит он, – где люди живут, как им жить должно». Сия земля есть остров Утопия в Новом Свете. Морус просит его описать ему такую любопытную землю. Философ охотно исполняет его просьбу.

Сия республика состоит из 54 городов, из которых один есть главный и лежит в равном расстоянии от всех прочих. Города управляются судьями, избираемыми всем гражданством; они имеют попечение о потребностях общества. В главный город ежегодно съезжаются депутаты, из каждого города по три человека, и рассуждают о делах республики. Некоторые из граждан живут в деревнях, обрабатывают землю и снабжают города хлебом; однако ж они переменяются, и другие из города на место их приезжают. Каждое семейство имеет свой дом; но через десять лет все граждане меняются домами по жеребью. У них есть общие залы, в которых они обедают и ужинают вместе, и за обедом обыкновенно едят мало, чтобы после быть способными ко всяким упражнениям. Во время обеда гремит

восхитительная музыка и курятся благово-
ния.

За столом старики говорят, а молодые слу-
шают. Есть у них игры в часы отдохновения,
игры, полезные для души или тела. Женатые
и замужние ходят в платья, отличном от пла-
тья холостых и девушек. Любовь есть душа
браков их. Нет там ни замков, ни ключей, для
того что нет воров. Бывают судные дела, кото-
рые решатся всегда справедливо. Судьи, рас-
суждая о деле, по закону должны всегда от-
кладывать решение до другого дня, чтобы
иметь время подумать. У них есть прекрас-
ные больницы, в которых наилучшим обра-
зом ходят за больными. Докторов много, и
доктора все искусные. Кроме медицины, зна-
ют они и другие науки, преимущественно по-
лезные человеку: физику, астрономию и
проч.; но в метафизике не сильны. Религия их
состоит в поклонении творцу всяческих, под
именем Митры, и в надежде на жизнь веч-
ную, блаженную для добрых. Самоубийство у
них позволено в случае нестерпимой и неиз-
лечимой болезни; и если страждущий не мо-
жет сам на себя поднять руки, то друг его ока-

зывает ему сию услугу. Они смеются над европейскою пышностию, над дворянскими генеалогиями, над азартными играми, над псовой охотою и проч. Лишний хлеб и скот продают соседям и часто весьма долго не требуют с них платежа; однако ж у них много денег в общественной их казначейнице. Если какой-нибудь народ вздумает напасть на них, они наймут многочисленную армию для его отражения или подкупят неприятельских полководцев на собственное их истребление. Всякие тяжелые работы отправляют у них рабы, купленные ими у соседственных народов; иные же добровольно приходят к ним работать. Философ наш, долгое время живший на сем острове, начал проповедывать жителям христианский закон, который многие и приняли. Впрочем, они не спорят о религии, и всякий может думать, как хочет, сообразно с своею совестью.

Вот что можно было извлечь из сего политического романа, весьма темного в русском переводе. Читатель может судить о сем по следующим местам: «Все предметы, встречающиеся глазам сих рабов, *одумавших самих*

себя, имеют такое *над ними участие*, что от-
вращают их от вины», и проч. – «Боже нас со-
храни! – вскричал законник, кусая пальцы и
делая какой-то *необычайный вид*, – видеть ко-
гда-нибудь *входяща и исполняющаяся* в Ан-
глии сей странный обычай». – «Совокупив-
шийся его гнев изъясняется нечаянным *пре-*
рванием». – «Увы! Если бы государь столь *от-*
чудил сердца своих подданных!» – Итак,
«*чрезмерные крайности* неимущества», «же-
стокие *уничтожения*, испытываемые челове-
ком», и проч. И на всякой почти странице
можно найти нечто подобное. Многие галли-
цизмы в слогe доказывают, что книга сия пе-
реведена не с английского, а с французского
языка. *Магистраты* идут у г. переводчика
вместо судей, *случайные* игры вместо азарт-
ных и проч. и проч. Видно, что он еще во
французском языке не очень силен; да и в
русском тоже.